

ЧЕРВАЁНАЯ ГОРАНЦА

ЕЛЕНА САМАРИНА

Елена Самарина

Червлёная горлица

<https://litres.ru/74313208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она – посадская девка, он — боярин на службе у царя. Любовь не спрашивает о положении, когда бесцеремонно овладевает сердцем. Но что остаётся, когда на пути у любви встает смерть?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Самарина

Червлёная горлица

Глава 1

Есть судьбы, что во времени теряются, а есть такие, что в сказки обращаются.

Эту сказку в нашем селе каждый знает с детства. Ходит она из уст в уста, от деда внуку какой уж век. Вот теперь я вам рассказываю.

В одну из длинных предзимних ночей в столичном посаде у одного ремесленника родилась дочь. За прядки, что пламенили на свету, нарекли её по-стародавнему Агнией. Души не чаяли в ней отец и мать, да только недолго радоваться пришлось. Нагрянула страшная хворь, выкосила столицу, посад с окрестностями, и забрала у Агнии родителей. Осталась сирота у вдовой бабки — отцовой матери.

Бабка Марфа всю жизнь мастерила и продавала глиняные горшки, за что соседи прозвали её Горшечницей. А потом это прозвание и к внучке прилепилось. Когда Агния чуток подросла, бабка Марфа научила её своему ремеслу, и стала Агния помогать: она горшки лепила, а бабка Марфа возила на торг. Нрав у старой вдовицы был сухой, редко дожидалась маленькая внучка ласки, чаще наставления да упрёки полу-

чала, потому и росла молчаливой да покладистой. Длинно-рукая, нескладная, с толстенной косой, кажущейся чужой и непомерной на худющем теле, вечно в глине с ног до головы. С раннего утра на хозяйстве, присесть некогда, и так до вечера, а вечером дел не меньше: готовые горшки на торг надобно собрать да за новые приниматься. Спорилась работа в её проворных руках, добротный выходил товар.

Но кроме горшков и крынок любила Агния мастерить из остатков глины маленьких игрушечных птичек — петушков и утиц, тетёрок и горлиц. Бывало, усядется у лучины, затянет тихонько песенку, старательно вылепливая каждое пёрышко, и никого вокруг себя не замечает — зови, старая Марфа, не дозовись! А однажды Агния раздобыла где-то краски, и стали серые птички пёстрыми, одна краше другой. Особенно вышла одна горлица — маленькая, но с гордой круглой грудкой и пышным хвостом, на неё Агния ни нарадоваться, ни наглядеться не могла. Покрасила Агния её в цвет червонный, крылья и хвост сделала пёстрыми, с охровой окантовкой, и поставила на самое видное место — и затмила собой эта малютка всех петушков и тетёрок.

Бабка Марфа внучкиных птичек считала детской забавой до той поры, пока их стало едва ли не больше, чем горшков. Спихватилась: мол, хватит на пустое дело глину зря переводить, но Агния упёрлась. Заспорили. Тогда Марфа сказала: — Снесу на торг — вдруг людям понравятся? И коль раскупят, так и быть, будешь лепить и дальше, — пообещала

она, — но коли воротится хоть одна домой — забаву сию бросишь, не то сама всех расколю!

Что поделать? Согласилась Агния. Сложила в узелок своих подопечных, а впёред всех горличку любимую, и осталась дома ждать.

Под вечер воротилась бабка Марфа домой с пустыми мешками да полной сумой. Уставшая, но довольная! Всё распродала, и птичек тоже. А уж как обрадовалась Агния!

— Ты не шибко радуйся, — вдруг сказала бабка Марфа, — птичек твоих так никто и не взял бы, если б не один мужик. Скупил, видать, из жалости, за бесценок своим ребятишкам. Правда, вот эту не взял — сказал, шибко на чёрта похожа, — и вытряхнула из мешка горличку.

Подняла Агния свою любимицу, спрятала за пазуху и сглотнула застрявшие в горле слёзы. Но что поделать, уговор есть уговор! — и зареклась птичек лепить.

Шло время. Тощая нескладёха превратилась в ладную, белолицую красавицу. Правда, красоты своей она не знала — не было матери лелеющей, которая бы премудростям женским да умению красотой пользоваться научила. Бабка Марфа считала, что девка с возрастом сама всему научится, и всё больше о приданом пеклась. С горшков да кувшинов она немного имела, но кое-какое приданое внучке наскребла, правда, не шибко заманчивое. Потому, хотя и не держала девку под замками, всё ж наказывала ухо с парнями держать остро, не блазниться речами сладкими да «очами огневы-

ми» и не красоваться перед ними лишний раз. Самой же Агнии вовсе не было охоты перед парнями красоваться — хоть те и заглядывались на неё, да ни один сердца не трогал.

Только жизнь по-своему дорожки плетёт.

Стояла осень. Светало. Неторопливо просыпался посад. Зажигались в избах огоньки, хозяйки принимались за работу. В избе Марфы Горшечницы пахло вчерашними щами и обожжённой глиной. В углу у образов мерцала лампадка, под лавкой скреблась мышь. Умывшись над кадушкой да поклонившись святым, Агния тоже принялась хозяйничать. Сама бабка Марфа, кряхтя, завозилась на печи — всю ночь у ней суставы ломило, и теперь не отпускала ноющая боль — попыталась было подняться, да чуть с полатей не свалилась. Агния кинулась на помощь. Кое-как спустилась старуха, тяжело закрипели под её ногами половицы.

— Нездоровится мне что-то... — выдохнула она и грузно опустилась на лавку у стены. — Видать, внучка, сегодня тебе придётся на торг вместо меня идти.

— Хорошо, бабушка, схожу.

— Гляди во все глаза: увидала, кто одет побогаче — громче зазывай да всё хвали, хвали. И деньги считай внимательно. Сама не обманывай и себя в обиду не давай. Поняла?

— Поняла, бабушка.

— Ну, тогда ступай с Богом.

После дня Покрова злее стал старик мороз и минувшей ночью раздел природу в сверкающий наряд. Завязала Аг-

ния потуже тёплый платок, а за пазуху горличку свою червлёную спрятала — с ней, почему-то не так страшно было, — взяла мешок с горшками и пошла.

Всё тише с утра на торгу, зато к полудню, как потеплеет, наводнится он разномастными людьми, и торговля поживей пойдёт. Но то ли горшки сегодня никому не были нужны, то ли чёрт пошутить решил, только не задались у Агнии дела. Как ни старалась она, как ни зазывала, а мимо проходил добрый люд, лишь изредка бросая взгляд на её лавку. Что говорить — не хватало ей бабкиной смелости, бойкого языка да приметливого глаза. Так и не продала ни одного горшка, а тем временем день уж к вечеру клонился. Стала Агния домой собираться, думая, как опечалится бабушка, когда нераспроданный мешок увидит, как вдруг услышала за спиной:

— Здравствуй, красавица! Почём у тебя посуда?

Вздрогнула от неожиданности Агния. Обернулась и увидела статного молодца — шапка набок заломлена, из-под неё кудри выются чёрные, что вороново крыло, и насмешливо глядят из-под соболиных бровей бирюзовые очи. Заволокли девичьи глаза стыдливые слёзы — на редкость хорош собой оказался незнакомый молодец! Сердце заколотилось, точно заячье, спрятаться бы — да некуда.

— Здравствуй, боярин, — тихо ответила, пряча растерянный взор, — купить изволишь?

И прикусила язык от пустого вопроса.

А молодец улыбнулся — забавной показалась ему заметно разволновавшаяся девица. Пошутить захотелось. Он взял с прилавка горшок, повертел, рукавицей потёр и нахмурился, сделав вид, будто придирчиво разглядывает, затем также придирчиво окинул взглядом Агнию.

— А, пожалуй, и куплю, — громко объявил он, а потом приблизился и, заглянув Агнии в лицо, тихонько добавил: — Уж больно посуда мне твоя по душе пришлась.

Она отшатнулась, вскинула глаза и встретилась с его нахальным смеющимся взглядом. Помрачнела.

— Ну, коли и впрямь что понравилось, — ответила строго, — то бери.

— Понравилось, — кивнул он, не отводя глаз, и бросил на прилавок вышитый бархатный кошель: — И возьму. Всю возьму.

Ничего не сказала Агния, лишь опустила глаза, поджала губы и принялась торопливо складывать посуду в мешок. Но под бесстыжим взглядом молодца запутались проворные девичьи руки, и мешок со звоном грянулся оземь.

Сердце вместе с горшками разлетелось на черепки.

— Прости, боярин, — бросилась собирать разбитое Агния и невольно взглянула на молодца снизу вверх; а он посмотрел на её приоткрытые, чуть потрескавшиеся розовые губы, покрасневшие щеки и виноватые дымчато-синие глаза, на прядь, вылетевшую из-под серого пухового платка — медвяно-медную на закатном солнце, — и затомило в гру-

ди тягуче-нежно, ласково и больно.

— Скажи, красавица, как зовут тебя?

Но смятение в её глазах тут же суровостью сменилось, сдвинулись тёмные брови вразлёт.

— Незачем тебе, боярин, — сухо ответила она. — Забери свои деньги и ступай с Богом.

Сказала так, схватила мешок с черепками и убежала прочь.

«Чудная, — подумал молодец, глядя ей вслед, — но красивая». За всю жизнь таких ещё не встречал. Обыкновенно девки пред ним веселели, соловьями распевались, а эта убежала, как от чёрта. Глянул, а на прилавке птичка глиняная осталась. Видать, чудная девка второпях забыла. Взял молодец птичку и сунул за пазуху, а сам подумал: «Я твою хозяйку ещё найду».

А на следующий день снова поехал на торг, к тому прилавку, но вместо молодежи нашёл там крикливую докучливую старуху. Покружил, покружил да уехал восвояси, унося в сердце расчерченный огневой прядью светлый лик той, что снилась всю ночь.

Агния не сразу узнала, что потеряла любимицу, а как узнала, тут же кинулась искать, но тщетно. Сильно опечалилась, но что поделать — сама виновата...

Вот только не одна лишь печаль в сердце девичьем поселилась с того дня.

Стала Агния чаще напрашиваться бабке Марфе в помощ-

ницы на торгу, лелея тайную надежду, которая вдруг сердце начала согревать. Правда, того, кто эту надежду заронил, так больше и не видела.

Но однажды случилось бабке и внучке в церкви обедню стоять. Тянулся народ со всех концов посада к святым вратам под радостные колокольные переливы, как вдруг, откуда ни возьмись — свист, гиканье! — появились всадники лихие. Непростые, видать, всадники: все в парче да мехах, и кони под ними добрые, лощёные, нетерпеливые. Расступился народ, кто-то с испугу даже упал, и говор слышался: «Царские люди... Царёвы посланники...»

Засмотрелась Агния на всадников. Вот привязали они коней, сняли шапки и до земли поклонились святому храму. Все высокие, крепкие, точно молодые дубы, а один стройный и гибкий, как лоза. Пригляделась — а это тот молодец с торжища!

И, словно туча на ясное солнце, напозла на сердце девичье кручина, но не в силах была девица взгляд задумчивый отвести...

А молодец, словно почуяв, возьми да и обернись.

Вспыхнула Агния, закрылась рукавом и всю службу усмирля ретивое, в молитве ища спасения от чувств пугающих, не нужных; а как служба закончилась, без оглядки побежала домой, лишь бы снова того чернокудрого не увидеть, греха на душу не притянуть.

Только вот не знала она, что бирюзовый взгляд уж прово-

жал её от паперти.

Настигла девицу сердечная беда! Стала Агния, словно мороком объятая — не шёл из головы чернокудрый молодец. Сны пошли рваные, беспокойные, мукой оборачивали третние дни, а во снах этих — он да взгляд его бесстыжий. Про такое и рассказать совестно! Днём девица трудилась без отдыха, а ночами клала святым поклоны — всё лишь бы из мыслей образ желанный прогнать, а сердце всё билось и билось, что птица в силках...

Но у судьбы свой замысел. В одно утро пошла Агния за водой, к колодцу у дороги, и на вороном жеребце, лихой и красивый, настиг её *он*. Та с испугу выронила коромысло, расплескала воду, а он рассмеялся и сказал:

— Здравствуй, красавица! А всё ж нашёл я тебя.

А она вскинула голову, отвернулась и сухо ответила:

— Шёл бы ты, боярин, своей дорогой.

Он усмехнулся, отошёл в сторонку и долго наблюдал, как она заново набирает воду, но как только она собралась уходить, преградил конём дорогу.

— Пусти, боярин!

— А то что?

— Людей позову!

— Да больно кто тебя услышит.

Агния то в одну, то в другую сторону — не пускает, бескудрявый! В ушах гулко застучало, тело бросило в пот. А бес смеётся, веселит его испуг девичий.

— Посовестился бы ты, боярин! Неужто Бога не боишься?

— Ни Бога, ни чёрта не боюсь.

Он осадил коня и спешился, Агния же отступила на шаг.

— Не бойся, не обижу, — сказал, — погляди, не твоя ли птичка улетела?

И вынул из-за пазухи червлённую горлицу. Посветлело лицо девицы, на губах робкая улыбка показалась.

— Моя, — ответила она и уже забрать потянулась, только он взял и спрятал горлицу за спину.

— Отдай, боярин, не шути!

— Поцелуешь — отдам.

Зарделись щёки, в носу обида защипала, и отвернулась Агния, а молодец опять засмеялся:

— Тогда продай вместо посуды!

— Не продам... — пробормотала Агния и опустила глаза.

— Я своих птичек не продаю.

— Почто делаешь тогда, раз не продаёшь?

— Теперь не делаю. Эта последняя осталась.

— А зря.

Поглядела Агния на молодца, и в душе словно погасшие угли вновь вспыхнули. А молодец усмехнулся по-доброму, — чудная всё-таки девка! — и мил ему стал её странный, тихий, но сильный огонёк. Сказал он ей:

— Я твою горлинку себе оставлю. Буду на неё глядеть и тебя вспоминать, Агния.

Вскинулась девица — имя узнал! Чего он ещё о ней знает,

этот чернокудрый бес?

Вдруг голоса слышались да топот лошадиный, и вдалеке показались всадники. Крикнул один из них:

— Эй, Елизар, чего ты там стал? Опять девок пугаешь?

Агния вёдра подхватила и заторопилась прочь, а молодец ей вслед:

— Мы с тобой ещё встретимся, горлинка!

Добралась Агния до дома, взбежала на крыльцо — расплескала по ступенькам воду — и к стеночке припала отдышаться, сердце бешеное унять. И боязно, и стыдно, и петь хочется, и смеяться!

Со встречи у колодца стала Агния осторожно прислушиваться к тому, что сердцу заново вспоминать пришлось, и позволила ему остаться. Снова начала лепить птичек, лучше прежнего. Сначала тайком, но баба Марфа всё равно нашла. Заупрекала внучку, мол, не по возрасту ребячество, и даже выбросить «баловство» собиралась, но Агния вымолила позволения. На торг не возила, но не делать уже не могла — сохла душа...

Сохла душа и без того, кто эту радость вернул. Знала: вместе не быть, но ведь издалека смотреть друг на друга — не большой грех?..

Безмолвно проходили их тайные встречи. Агния ещё до заутрени, пока на улице никого, уходила за водой, а Елизар ждал её поодаль от дома. Он шёл за ней, а она знала о том и не оборачивалась, лишь у колодца встречая его долгий лас-

КОВЫЙ взгляд:

— Здравствуй, горлинка.

— Здравствуй, боярин Елизар.

И другого им было не надо.

Только не укрылись от старой Марфы ни внучкино смятение, ни ранние походы за водой. Пошла следом. Шум устраивать не стала, когда открылась тайна, просто следующим утром заявила растерянной Агнии, что сама воды нанесёт, а за воротами поприветствовала нежеланного гостя и сказала ему:

— Ступай, боярин, к себе. Не твоя тут отчина.

Так свидания у колодца и прекратились.

Глава 2

Тянулись друг за другом деньки, вот и Святочная неделя подошла. Испокон веков верили в небывальщину в эти шумные, разгульные дни, и как знать — может, не напрасно.

Вот в один такой день уговорили соседские девки Агнию на посиделки собраться. Бабка Марфа внучку отпустить против не была, и, чуток помявшись, Агния согласилась. Расселись девушки по лавкам, сначала пели, потом загадки друг другу загадывали, и в самый час веселья к ним в избу разноголосо поющей толпой ввалились ряженные. Кто в лохмотьях, а кто в вывернутых шубах, лица под святочными харями спрятали — не узнаешь никого. Окружили девок, в бубны ударили, и пошла потеха! Девки хохочут, весельем разгорячённые, от рук цепких уворачиваются. Праздник! Вот один, в цветастом бабьем платке да безглазой птичьей личине, поймал Агнию за руку, да как потянет к себе! Та оробела, вырываться стала, а подружки засмеялись:

— Вот и жених тебе нашёлся! Будешь птичья невеста!

Не успела Агния ничего понять, как он её подхватил, и вскоре они оказались на стемневшем дворе, у поленницы.

Тут ряженный личину свою и снял:

— Ты меня совсем позабыла, горлинка?

Вот бы кинуться без оглядки! — да ноги точно примёрзли, и голос осип. Промолвила едва слышно Агния:

— Не позабыла.

Елизар приблизился и взял её за руку. Блестели в сумраке вечером его смеющиеся глаза, ой, как блестели...

— Замёрзли пальцы-то, — сказал он тихо и поднёс к разгоревшимся губам её послушную руку, а она замерла, чуя, как приближается его дыхание, как обжигает ей нежную щёку. Разошлось грохочущее сердце — ещё чуть, и выпрыгнет, не удержишь, и расплескался по телу девичьему жар...

— Не надо, — прошептала.

— Когда мы опять увидимся?

— Я не знаю... — и, словно пробудившись ото сна, отпрянула, отняла руку: — Нет, нет... нельзя... грех это!

— Разве грех, коли есть любовь?

— Ты ведь знатный, — сказала она и голос её едва слышно задрожал, — а я простая посадская! Не быть нам вместе, не быть нам благословлёнными!

— А может, как раз и быть! — твердо отвечал он ей. — Бывает ли так, чтобы раз увидал — и будто силой нечеловечьей стал прикован и помыслами, и душой? И нет у меня столько воли силе той супротив идти — ни воли, ни желания!

Подняла на него Агния наполнившиеся слезами очи, и одна слеза не выдержала — пала на щёку... Горячей ладонью ласково отёр её Елизар.

Тут распахнулись двери избы, выбежали на крыльцо весёлые парни и девушки, и никто не заметил две тени, растаившие у поленницы.

А как ночь подошла, девушки в той же избе гадать остались. Сначала на зерне, потом на колечке, а потом кто-то предложил пойти в баню и на зеркале погадать. Все сначала оробели, но любопытство ох как берёт! И вот одна из подружек уже несёт маленькое зеркальце, что тайком хранит у себя в сундуке...

Зеркальце аккуратно поставили на лавку и зажгли подле свечу. Гадать полагалось в одиночестве, но девушки замешкались, кому первой идти, и стали жребий тянуть. Первой вытянула одна розовощёкая, но едва закрылась за ней дверь парной, не выдержала и назад вернулась, со страху весь румянец растеряв. Следом другая пошла, чернокошая. Вошла в парную и слилась с темнотой. Эта смелее оказалась, до конца досидела: когда вышла, окружили её девки, мол, говори, что видела! А та, заплетая свою чёрную косу, лишь лукаво сказала:

— Вот и посмотрите сами! Каждая своё увидит.

Следующей выпало идти Агнии. Расплела она косу, шагнула в густую тьму парной и села напротив зеркала, всматриваясь в его гагатовую гладь. Вдруг свеча дёрнулась, а в зеркале появилась едва различимая тень. Похолодела девица. Тень приближалась, ясна... Вдруг свечка затрещала и пошла копотью, метнулись громадные тени, и заплясали по потолку и стенам, точно ожившие. Страшно, хоть беги! Но Агния сидит, глаз с зеркала не сводит, и видится ей: в зеркале руки бледные показались, кровью перепачканные...

— Чур меня! — крикнула она и вылетела из парной.

Долго допытывались девки, что же Агния в зеркале увидела, но та ничего им про руки страшные не рассказала. Сама остаток ночи без сна провела да следующие дни всё о дурном тревожилась, благо, ничего худого тогда не случилось.

Зато потом было то, что ни в одном дурном сне увидеть не захочешь.

Миновали Святки, а на Крещение, как это обычно водится в наших краях, ударил сильный мороз. Давно не помнили такого мороза. Народ лишний раз из дому носа не казал, даже собак в избы попрятали, а тут ещё слух прошёл, будто лихие люди от такого мороза из лесов в город вышли. А потом слухи слухами быть перестали.

Сперва у дороги нашли мужика с проломленной головой, голого и уже окоченевшего. Следом другой — поехал в лес за хворостом один и вместе с лошадыю сгинул. Тогда созвал царь лучших своих людей да приказал отловить лихих, большую награду за это обещал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.